

Нина Шамарина

**Разноцветные шары
желаний. Сборник рассказов**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Ш19

Шамарина Н.

Разноцветные шары желаний. Сборник рассказов / Шамарина Н. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 100 с.

ISBN 978-5-532-95940-8

Какое желание вы загадаете в новогоднюю ночь, если внушка Деда Мороза – чуть-чуть волшебница Снегурочка – вам пообещает, что оно точно сбудется? Наверное, как и человек с необычным именем Сол, вы захотите понять, исправить, вернуть что-то из прожитого. Герои книги – наши современники. Они живут, казалось бы, в сказочном мире, попадая в шов полотна жизни, пытаясь прогнать собственную смерть или встречая любовь, без которой не знаешь, как дышать. Но даже некоторые из этих людей понимают, что истинные волшебники – мы сами. Тот фантастический мир, где возможно почти всё, находится на расстоянии вытянутой руки, точнее, двух рук, занятых делом. Сборник рассказов «Разноцветные шары желаний» – вдохновляющая проза. Автор предлагает задуматься о предназначении, расставить жизненные приоритеты. В ней нет универсальных рецептов, но заданы направления, в которых есть смысл искать свое счастье.

Содержание

Разноцветные шары желаний	4
Птица цвета метели	21
Остановись, мгновенье!	27
Двадцать семнадцать	30
Окно на коммунальной кухне	52
В темноте	57
Снежная пыль	92

Разноцветные шары желаний

Поезд Москва-Владивосток отправлялся за пятнадцать минут до боя курантов. Вагон, против ожидания, не пустовал. Два соседних купе занимала большая компания немного, что называется, подшофе, предвкушая встречу Нового года на колёсах и вкладывая, казалось, другой смысл в эти слова.

Я досадовал. И так уж не самая лучшая новогодняя ночь выпадала, а коль ещё и под гогот развесёлых соседей...

В моём купе уже сидела девушка, устремив взгляд на перрон.

Поезд тронулся, и она повернулась ко мне со странным для незнакомки ожиданием в светло-голубых, чуть навывкате глазах. «Рассказывай», – так и читалось в них. Мелкие черты лица, бескровные губы. Она напоминала свечечку, но не ту, что освещает всё вокруг себя тёплым колеблющимся светом, а парафиновую свечу с незажжённым фитилём. Светлые волосы, спадающие на плечи, сливались цветом с толстовкой, на крючке у двери висела шубка с белым искрящимся мехом.

– Снегурочка? – пошутил я, – к дед-Морозу едете?

– Да, – без улыбки ответила девушка, – к нему.

– Что-то вы поздно, – продолжал дурачиться я, – новый год через пятнадцать минут наступит. Как же вы будете желания исполнять?

– А вы думаете, у тех, кто едет в поезде, нет никаких желаний? У вас, например? Может, я здесь для того, чтобы исполнить то, о чём мечтаете именно вы? – не отступила девчонка от предложенной мною игры.

– Вот и прекрасно! Давайте, кстати, познакомимся и откроем шампанское. Меня Сол зовут, а вас?

– Снегурочка!

– Ну что ж, коли вы настаиваете... Пусть будет Снегурочка, – произнёс я, несколько озадачившись.

Обычно, когда я назывался, простодушные девушки спрашивали напрямую – что это за имя такое, да какие у меня корни; другие инте-

ресничали, предлагали свои версии. На то и был расчёт с последующим извлечением паспорта и демонстрацией полного имени – Саврасов Сол Никонович.

Чаще всего я плёл байку о том, что известный автор прилетевших грачей – мой дед, и традиция называть мальчиков необычными именами пошла непосредственно от него, потому что моего папу Никоном назвал как раз тот самый Саврасов.

Дурочки верили; правда, некоторые, совсем уж наивные, спрашивали: кто это – Саврасов?

А сегодняшняя сказала буднично:

Мама назвала вас Сол, потому что вашего отца она называла Солнце, а вы – малыш – его половина.

Я был ошарашен.

– Откуда вы знаете?

– Ну я же Снегурочка! Волшебница чуть-чуть.

– Что ж, пусть так, – пробормотал я, скрывая изумление.

Нашёл в телефоне прямую трансляцию с Красной площади, хлопнул пробкой припасённого шампанского, только сейчас сообразив, что не захватил бокалов.

В дверь, как по заказу, просунулась голова проводницы:

– Распивать спиртные напитки в общественных местах... – скомпоновкой пробубнила она и тут же добавила: – тихонечко, девочки-мальчики, тихонечко! Потихонечку можно. Есть стаканчики пластиковые, есть фирменные, в подстаканничках. Вы какие желаете, молодой человек?

Под переливы курантов, бой часов и крики «Ура» по всему вагону я сделал большой глоток шампанского из РЖДэшного стакана. Шибануло в нос, выдавив слезу.

Снегурочка лишь поднесла напиток к губам.

– Давайте, – поторопила она меня. – Я сегодня исполняю ваши желания.

– А какие у меня желания?

– Я – Снегурочка, не цыганка. Я желания не угадываю. Давно ли вы писали письмо Деду Морозу?

– Сейчас и напишу! – не отступал я от дурашливого тона.

Надо ж такому случиться! В кармане моей дорожной сумки обнаружили шариковая ручка и тетрадь в клетку, те, что я купил в киоске на вокзале. Я обычно не делаю спонтанных покупок, но сегодня, пробегая мимо газетного киоска со всякой прочей мелочёвкой, внезапно остановился и купил ручку и тетрадку.

И теперь вырвав двойной лист из середины тетради, начал:

«Я, Сол Никонович Саврасов, прошу Деда Мороза (письмо напоминало заявление на отпуск, но я продолжил) выполнить три моих желания...»

– Три – не слишком много? – спросил я у девушки. Игра меня забавляла.

– Не слишком.

Взгляд её светло-голубых глаз не теплел и не веселел, и мне разом расхотелось шутить и резвиться. Отступив две строчки вниз от уже написанного, я, не раздумывая, размашисто написал:

«Лерка. Узнать, что с ней случилось.

Отец. Хочу всё исправить.

Голубой берет. Любовь».

Тетрадный лист остался лежать на столе, а моя спутница тут же отставив в сторону подстаканник с шампанским, достала из сумочки, стоящей рядом с ней, блестящие серебристые шарики, аккуратно положила их на стол.

Один шарик покатился, и я поймал его, неловко придавив, правда, тут же отдёргнув руку: шарик был льдисто-холодным, как из морозилки.

Не успел я найти никакого внятного объяснения этому, как девчонка раскрыла руку над шариками, и те засветились, разбрасывая блики по столу.

Один наполнился мягким розовым, как спелый персик на ветке, напоённый солнцем, как раскрасневшаяся щёчка младенца, только-только насытившегося у материнской груди.

Второй – голубым. Его свет мерцал и притягивал, зовя в свою глубину: хотелось нырнуть в него, как в чистое тёплое море.

Третий – чёрный, лишь отбрасывал густую тень, наводя тоску и расстраивая, впрочем, как обычно бывает у меня с чёрным цветом.

Я осторожно взял самый первый розовый шар. Всё окружающее отодвинулось. Остался лишь неумолчный стук колёс, который подчёркивал моё погружение в другую уже прожитую реальность, как стук метронома в кабинете гипнотизёра усиливает его воздействие.

Пляж, май, нас двое, я и Лерка. Впереди экзамены за десятый класс, но зубрить билеты невыносимо. Лерка щурит глаза в белёсых ресницах, веснушки обкрапали нос и щёки. А губы, губы сводят меня с ума! Такие пунцовые, такие горячие, словно она пила солнце вместо сока, и оно спеклось на её губах.

У меня пересохло во рту, я глажу и глажу её тёплые икры и горячие плечи, никак не решаясь тронуть чуть выпуклый живот.

А перед самыми экзаменами меня вызвали к директору. Андрей Степанович отдувался, вытирая блестящую лысину, никак не начинал разговор. Я ждал в недоумении. Никаких откровенных грехов, в которых бы меня уличили, не водилось.

– Валерия станет матерью, – наконец вымолвил Андрей Степанович, – её родители указывают на тебя, как возможного отца ребёнка. Шестнадцать тебе есть (он перелистнул только сейчас замеченное мною «Личное дело»), вас распишут. Рано, конечно, но создадите полноценную ячейку общества.

Не сразу въехав в то, что говорит директор, и, представив почему-то, как мы с Леркой стоим в очереди за капустой, хлебом и селёдкой, я фыркнул.

– Ты что лыбишься? – заорал вдруг Андрей Степанович. – Лыбится он, понимаешь ли! Уже и из РОНО звонили, что у вас за ЧП, а ему, понимаешь, весело! Не могли потерпеть. Школу б закончили и рожайте! Что вам осталось-то!

– Это не я, Андрей Степанович!

– Что не я? Лошадь не моя. Валерия сказала маме, ты – отец. Если полюбовно решите, можно замять. А так... – он махнул рукой.

Позже меня вызывали на педсовет, даже участковый со мной беседовал, но я твёрдо стоял на своём: ничего не знаю, какой-токой ребёнок?

Лерку я больше не видел. Даже на экзамены она не приходила. На выпускном я, напившись сладкой гадости с названием «Букет Молдавии», тискал сначала Ольку, потом, когда та со словами «Пусти, дурак!» убежала, Юльку. Она всё допытывалась:

– Любишь меня, любишь?

И прижималась жарким телом, и целовала липкими губами. А я обманывал себя и не мог обмануть, что я с – Леркой, и не различаю, песчинки ли налипли на её щёки, или веснушек стало ещё больше.

Я вынырнул из памяти, словно из воды. Хрупкая девушка передо мной с лицом цвета стеариновой свечи смотрела так, как будто только что лениво валялась на пляже на соседнем одеяле.

– Этот поезд, что, машина времени? – забавлялся я, – поезд времени?

– А вы так и не поняли?

Меня, еще не остывшего от жаркого пляжного солнца, ни с того ни с сего рассердили её слова.

– Ох, не собираюсь я ваши кроссворды разгадывать! Я – в вагон-ресторан. Идёте со мной?

– Нет, идите один. Мне там делать нечего. Я вас здесь подожду.

В ресторане за несколькими сдвинутыми столиками сидела большая шумная компания, может, из нашего вагона, может, другая. Я выбрал столик подальше от них.

Официант, несмотря на многолюдье, подошёл очень быстро и начал перечислять, как будто я уже сделал заказ:

– Коньяк, шампанское, шоколад.

И, наклонившись к моему лицу, прошептал еле слышно:

– Одинокую даму позвольте посадить за ваш столик. Не возражаете?

Я не возражал. Я не понимал, зачем я пришёл сюда, да и вообще, какая необходимость переться в новогоднюю ночь через полстраны в командировку на поезде? Полетел бы третьего на самолёте. Как в прошлом и позапрошлом году, как тогда... Да что теперь... Я с

трудом припоминал, как покупал билеты, ехал на вокзал... Как будто всё это проделал кто-то другой, как будто я смотрел какой-то фильм.

Меж тем пахнуло приятным – из юности – запахом, и женщина, вероятно, та, о которой толковал мне официант, опустилась в кресло напротив.

– Дыша духами и туманами... – продекламировал я, потому что эти стихи как нельзя кстати описывали незнакомку. Нет, страусиное перо не качалось на её шляпке, но и блузка с какими-то складочками удивительно тёплого персикового цвета, и матовая кожа лица, которое словно светилась изнутри, и глаза! Необыкновенные жёлтые глаза с крапинками на радужке, которые я видел только у одного человека в своей жизни.

– Лерка? – голос мой прервался. – Лерка! Откуда ты здесь? Тебя не узнать! А где же веснушки?

Почему-то вспомнились именно веснушки, как будто нечего было вспомнить ещё!

Я взял её прохладные сухие пальцы.

– Учительница?

– Как ты догадался?

– Мел! Только мел, который держишь в руке полжизни, так сушит кожу.

Лерка молчала, полуулыбка скользила по её губам; мы смотрели друг другу в глаза. Не знаю, как она, а я насмотреться не мог, словно не было ни всех этих лет, ни мучительных малодушных прятков от Лерки, от её родителей...

По счастью, после педсовета я её не видел ни разу. На экзамены она не приходила, а её дом я обходил стороной. После летних каникул – институт, другая, теперь уже интересная, не то, что в школе, учёба, и Лерка, и моя любовь к ней словно подёрнулись жемчужной дымкой. Поначалу я грыз себя и каждый вечер, ложась спать, обещал: завтра схожу к ней, объяснюсь, но утром вновь и вновь откладывал. А потом стыд притупился, я уговорил сам себя – может, ребёнок и не родился, и Леркина жизнь не изменилась.

– Родился, – произнесла Лерка, точно я произнёс вслух последние слова. – Родился, вырос... Скоро бабушкой стану, – она засмеялась.

– Прости меня, Лерка, если сможешь. Я трус, последний раструсистый трус! Бросил тебя, испугался. А ведь любил! Ты помнишь, Лерка, как я тебя любил?!

– Всё хорошо. Конечно, тогда было страшно очень: как я справлюсь? И тебе очень многое хотела сказать, и орать бегала в парк, чтоб никто не слышал...

А теперь думаю, хорошо! Встретила человека, замуж вышла. Даньку он сразу усыновил, тот и не знает, что отец не родной. Родной! Самый, что ни на есть. Так что ты не терзайся, всё быльём поросло.

Я молчал. Жёлтым песком рассыпался тяжёлый камень в моей душе.

– А что, Лерка, может, приеду в гости, познакомишь нас?

– Не вздумай, Сол! Ни к чему. Ты жил, даже не зная о нём. Я так рада, что мы встретились, что могу тебе сказать: я не держу на тебя зла. Мы такие юные были, такие дураки. Я даже не помню теперь, а я-то тебя любила? Но приезжать к нам, не надо. И знакомиться не надо.

Лерка глянула в окно, за которым снова сгущались сумерки.

– Не знаешь, который час? Мне скоро выходить, на моей станции поезд будет в пять утра. Пока, Сол!

Золотыми веснушками отражались лампы в нетронutom Леркой коньяке.

А я смотрел и смотрел в тёмное окно, отрешившись от настоящего. Представлял, как идём с взрослым сыном плечом к плечу, как смотрим хоккей по телевизору, как вдвоём прокладываем лыжню по первому снегу.

Интересно, какой он? Дружили бы с ним? Какие у него глаза – такие же жёлтые, как у его матери? Мне хотелось выскочить вслед за Леркой, пробраться в их квартиру, посмотреть на сына, хоть глазком. Почему я не попросил фотографии? Наверняка, в телефоне – сотня.

С трудом оторвавшись от окна, как будто там показывали интересное кино, я вернулся в свой вагон.
